ФИЛИПСОН Г. И.

ВОСПОМИНАНИЯ ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА

Хочу написать то, что в жизни случилось видеть и испытать, насколько все это сохранилось в памяти. Успею ли? Мне скоро минет 65 лет.

Я плохо верю беспристрастию автобиографий. Руссо не щадил себя в своих Confessions; но я уверен, что он сказал о себе дурного или слишком мало, или слишком много: есть и такие странности в природе человека. Знаю наперед, что и в моем рассказе будет немало недомолвок. Общий итог жизни будет подведен не нами. Да будет воля Его! Он будет судить по Своей правде, а не человеческим судом, на котором не оправдится пред Ним всяк живый.

22 Июля 1873 г.

* * *

Я родился в Казани, 1 Января 1809 года. Мой отец, Иван Андреевич, был родом из Риги, Об его происхождении я почти ничего не знаю. Он был средний из трех братьев. Старший брат пропал без вести на тринадцатом году жизни; младший умер на службе в Тобольске, оставив трех сыновей. Помнится, отец говорил, что их предки вышли из Англии. Во всех его служебных и официальных документах он назван Филипсен — произношение простонародной Шотландской фамилии Philipson. По ребяческому капризу, я произвольно изменил Русское произношение нашей фамилии и стал называться Филипсон; но после встретил трех своих двоюродных братьев, которые воспитывались во 2-м Кадетском Корпусе и назывались также Филипсонами. Больше ничего не знаю о семействе моего отца. Тринадцати лет его записали в военную службу. **[161]**

(Дальнейшее повествование опущено как выходящее за рамки сайта. Thietmar. 2010)

Я приехал в Пензу в последних числах Декабря. Стариков своих я нашел здоровыми; но отец уже устарел, хотя держался бодро, как старый солдат. Ему было тогда 72 года. Две сестры были замужем, две другие подрастали. Мужья старших сестер, Протопопов и Акаевский, были местные чиновники и жили безбедно, хотя на средства, условно признанные честными. Вообще их среда была довольно грязна. Пензенская губерния имела ту особенность, что от губернатора до последнего чиновника все были на жаловании у винного откупщика. Мелкие чиновники оклад свой получали не деньгами, а натурою, и потому пьянство было всеобщее и безобразное. Я был счастлив тем, что доставил своим старикам несколько радостных минут. Конечно, мы собрались всей семьей в Казань казать родным мои капитанские эполеты и золотой аксельбант. Мы пробыли в Капрёве около месяца. Дядя Петр Степанович очень постарел, а тетка Клавдия Андреевна, рожденная Ханенёва, была в полном цвете лет. Это была прекрасная личность, всеми любимая и уважаемая. Две хорошенькие дочери были уже почти невесты, сын учился в Петербурге в Институте Путей Сообщения. Семейство дяди мы считали своим и потому провели этот месяц с особенным удовольствием. Тетка, Марья Степановна Горемыкина, узнав о нашем приезде, тотчас сама приехала в Капрёво с своими двумя дочерьми. После масленицы вся компания отправилась к тетке в Семиключи и прогостила у ней недели две. Приближение весны заставило нас возвратиться в Пензу, а 4-го апреля я простился с своими стариками, из которых отца мне уже более не суждено было видеть.

9 Апреля я переехал чрез Вонючий Егорлык, служивший границею Ставропольской губернии, а в 2 часа ночи был в Ставрополе. У меня было какое-то предчувствие, что меня здесь задержат, и потому я поднял на станции большой шум, требуя скорее лошадей по дороге в Тифлис. Можно вообразить мою досаду, когда смотритель подал мне предписание явиться к обер-квартирмейстеру войск Кавказской линии и состоять в его распоряжении. Все мои **[162]** мечты о Востоке разлетались как дым! Целую ночь я проходил из угла в угол на небольшой станционной горнице в самом мрачном расположении духа.

В 10 часов я явился к полковнику Горскому, который как-то сонливо-равнодушно сказал, что меня давно ожидали. Я с раздражением отвечал, что не имели никакого права давно меня ожидать, потому что срок моего отпуска оканчивается еще чрез 10 дней. Горский улыбнулся и сказал: "Чего же вы сердитесь; я совсем не думал делать вам упрека". Мне стало совестно. Передо мной стоял маленький, невзрачный человек, в странном костюме, но с добрым, простодушным выражением лица и с манерами, в которых ничего не было начальнического.

Устроив кое-как свое несложное хозяйство, я хотел ознакомиться с краем и моими новыми обязанностями. Я спросил обер-квартирмейстера: что прикажет мне делать? — "А что хотите". — Но, какие же будут мои служебные обязанности?— "А никаких. Да что вы торопитесь? Дело не волк, в лес не убежит". В этот раз я застал Горского в каком-то зеленом архалуке, в шароварах верблюжьего сукна и в очень порыжелой Кабардинской папахе. Это был его всегдашний, домашний костюм. Для полноты картины надо прибавить, что он не выпускал изо рта сигары непервого сорта. Я застал его за работой: он рисовал акварелью большую картину, представлявшую сцену из Кавказской боевой жизни. Это было его любимое и почти единственное занятие.

Горский представил меня своей жене. Оба просто и радушно пригласили меня обедать. Это было доброе и почтенное семейство, о котором мне приятно вспомнить. Н. И. Горский, обер-квартирмейстер войск Кавказской линии и Черномории, был старый полковник, старого генерального штаба. Он не отличался особенно бойкими способностями и серьезным образованием, был добр, честен и храбр, как шпага. Он был беспечен и апатичен в мирное время и в сильнейшем боевом огне. Жена его, урожденная фон-Дерфельден, была, напротив, красивая женщина, хорошо образованная и очень пылкого характера. Супруги уживались, сколько могли, при такой разности характеров. В их доме все было просто и искренно; все офицеры генерального штаба как будто принадлежали их семье: приходили обедать незваные и всегда встречали радушный прием. Впрочем, гостеприимство было общею Кавказскою добродетелью.

О Кавказе и Кавказской войне я имел смутное понятие, хотя профессор Языков на лекциях военной географии проповедывал **[163]** нам о том и другом; но по его словам выходило как-то, что самое храброе и враждебное нам племя были Кумыки. За то оказывались на Кавказе стратегически линии и пути. Еще под влиянием этих ученых воспоминаний, я пошел проверять их в управление генерального штаба. Там я нашел зауряд-хорунжего Янкова, который вел единично всю несложную переписку по генеральному штабу, и прапорщиков корпуса топографов, Александрова и Горшкова, заведывавших топографическим отделением.

Управление помещалось в двух больших комнатах, из которых в одной угол был завален связками бумаг. Это был архив. Все было бедно и не совсем опрятно. Горский уже с неделю не был в управлении.

Янков подал мне несколько новых донесений с левого фланга о военных действиях. Одно было на имя командующего войсками от подполковника Пулло, начальника Сунжинской кордонной линии, с представлением копии

донесения ему от его подчиненного, начальника кордонного участка, о предпринятом им набеге на один Чеченский аул. Начальник участка, штабс-капитан, собрав наскоро небольшой отряд пехоты и казаков при двух орудиях, двинулся ночью к аулу, чтобы напасть на него перед рассветом, врасплох, но был открыт пастухами не доходя аула. Сделалась тревога, Чеченцы собрались, и завязалась перестрелка. Штабс-капитан овладел аулом открытою силою и после упорного сопротивления сжег его. С десяток горцев убито, 8 взяты в плен; но казаки, как сказано в донесении, в пылу ожесточения, сбросили их со скалы. Сверх того, у неприятеля отбито более ста лошадей, довольно много овец и рогатого скота. У нас один рядовой убит и два казака ранены.

Представляя это донесение, полковник Пулло доносил, что разоренный аул был из мирных и отличался верностью, что штабс-капитан не спрашивал его разрешения на этот набег; при личном же объяснении доложил ему, что совершенно убедился в изменническом поведении жителей аула, а спрашивать разрешения на набег не мог, чтобы не открыть заранее своего предприятия. В заключение рапорта, Пулло просил командующего войсками воспретить кордонным начальникам делать такие набеги без его разрешения.

Рапорт этот был доложен командующему войсками, который приказал только внести происшествие в военный журнал. Другие донесения были о мелких хищничествах в наших пределах, но стоивших жизни нескольким мирным обывателям, а один был взят горцами близ Пятигорска и увлечен за Кубань. В **[164]** последнем хищничестве участвовали жители Бабуковского аула, находящегося в нескольких верстах от Пятигорска. Бабуковцы — выходцы из Кабарды и входят в состав линейного казачьего войска.

Наконец, был тут же запрос по высочайшему повелению: почему не было донесено, как о чрезвычайном происшествии, о нападении горцев на шихтмейстера, ехавшего с конвоем по Военно-Грузинской дороге, причем шихтмейстер был убит, а конвойные казаки ускакали. На этот запрос командующий войсками отвечал просто и ясно, что такое происшествие не считал чрезвычайным, так как подобные бывают почти ежедневно.

Можно вообразить, какой хаос понятий о нашем в краю положении прибавили эти донесения к лекциям Языкова о Кавказе. Правда, что в донесениях не упоминалось о Кумыках; но это вероятно потому что это храброе и враждебное, по словам Языкова, племя давно было покорно и имело нашу администрацию.

На другой день полковник Горский представил меня командующему войсками Кавказской линии и Черномории, генерал-лейтенанту Вельяминову; а после того я явился к начальнику штаба генерал-майору Петрову. О последнем мне не

придется говорить: это была личность довольно ничтожная, несимпатичная и с дурной славою; на дела, и особенно военные, он не имел никакого влияния. Вельяминов его не жаловал. Петров почти ничего не делал и только щеголял мундиром генерального штаба, которого он не имел права носить.

О генерале Вельяминове мне придется говорить много раз. Это был человек далеко выдающейся из рядов толпы. Он принял меня с ледяною холодностью и, помнится, ровно ничего не сказал. Это был худощавый человек лет 50-ти, рыжий, с тонкими губами и тонкими чертами лица. Одет он был в светло-зеленый атласный архалук. Вообще тогда на Кавказе мало знали военную форму и нисколько ею не стеснялись, от младшего до старшего. О киверах и шляпах помину не было; ходили в фуражках или папахах, а вместо форменной шпаги или сабли носили Черкесскую шашку на ременной портупее чрез плечо. Глазу моему, привыкшему на Севере к стройной формальности, странно было видеть такое разнообразие и даже иногда фантастичность военных костюмов.

Вообще Ставрополь имел своеобразный вид. В пестром населении его было много Армян, Грузин, Ногайцев и даже горцев. Первые были исключительно торговцы и за свою бесцеремонную ловкость в мелочной торговле назывались не иначе как Армяшками. Костюм Ногайцев, Армян и Грузин подходил несколько к костюму Черкесов, который был в большой моде у всех Русских. **[165]** Большая часть офицеров, особенно приезжих, носили этот костюм если не публично, то по крайней мере в своей квартире. Довольно забавно было встречать иногда какого-нибудь мирного секретаря или столоначальника в черкеске с 16 ружейными патронами на груди. Но Черкесское оружие носили всегда и все офицеры. Общая мода имела своих фанатиков и знатоков. Оружие имело условную цену, иногда до нелепости высокую. Холодное оружие было действительно недурно, хотя не выдержит сравнения с хорошими сабельными и кинжальными клинками Солингенскими. Огнестрельное оружие было гораздо хуже: кремневые замки винтовок и пистолетов были старинной, очень неудобной системы. Наружный вид и отделка оружия были своеобразны и очень красивы. Русские переняли от Черкесов старательное сбережение оружия. Чистый Черкесский костюм взят в образец для служебных мундиров линейного казачьего войска и несколько изменен был в Черномории. Вообще как костюм и оружие, так седло и убранство лошади были красивы, удобны и приспособлены к климату и роду войны.

Я приехал в Ставрополь именно в то время, когда прошлогодние прикомандированные офицеры собирались уезжать и за стаканом Кахетинского рассказывали приезжающим, новым прикомандированным, свои похождения и передавали свои впечатления на Кавказе, обетованной земле для всякого, кому

надоела сонная, пустая, однообразная жизнь в России и особенно в Петербурге. Офицеры прикомандировывались ко всем частям Кавказского корпуса на один год для участвования в военных действиях. Эта мера была не бесполезна, но не нравилась местным войскам, потому что слишком часто гости делались счастливыми соперниками хозяев при получении наград. В Апреле месяце в Ставрополе было видно особенное оживление. Все заняты были приготовлениями к экспедициям, которые обыкновенно начинались в Мае. Главные военные действия в этом году должны были производиться на правом фланге против Закубанских горцев. Отрядом должен был командовать сам Вельяминов. — Н. И. Горский предложил мне на выбор отправиться в отряд, или на съёмку, которая должна была делаться двумя партиями топографов: в Черномории и в окрестностях минеральных вод. Я выбрал последнее, думая, что полезнее для меня будет ознакомиться со всеми особенностями края, прежде чем принять участие в военных действиях. Кстати же мне нужно было немного и отдохнуть в хорошем климате: Петербургская жизнь и занятия отзывались большою усталостью. **[166]**

2 Мая я выехал из Ставрополя с четырьмя топографами, которые должны были составлять мою партию. Съёмка моя должна была примыкать с восточной стороны к той, которая была прежде доведена до укрепления и урочища Каменный Мост на Малке, а с западной и южной к Кубани и Карачаю. Большая часть съемки назначена в 200 саж. в дюйме, и только самая западная часть от Эшкакона к Кубани в масштабе — верста в дюйме. Край этот до того мало был известен, что составленная мною карта, из всех имевшихся в Генеральном Штабе сведений, оказалась впоследствии неверною на 30 верст между Каменным Мостом на Малке и Кубанью.

Я поселился в ст. Кисловодской, в трех верстах от укрепления Кисловодского, куда знаменитый Нарзан привлекал посетителей, больных и здоровых, изо всей России. Все лето я провел в разъездах для осмотра работ топографов, которые были размещены верст на полтораста. Места, где производилась съёмка, считались не безопасными, а потому при каждом топографе было от 15 до 20 линейных казаков, и кроме того у меня в конвое было человек 12, в числе которых были и из мирных горцев. Я с наслаждением дышал полною грудью ароматическим, здоровым воздухом гор и степей. Поездки мои совершались всегда верхом и часто продолжались по неделе и более. На всем пространстве съемок не было почти никакого жилья; только беспрестанно встречались по балкам пространства, заросшие крапивой и высоким бурьяном. Это были места аулов, жители которых в 1811 г. вымерли от чумы или разбежались. Природа в этой стране великолепна и величественна. Местность постепенно возвышается к Югу и образует два отрога Кавказа, тянущихся на расстоянии более двухсот

верст и перерываемых ущельями Кубани, Кумы, Подкумка, Малки и их притоков. Дальний, т. е. южный, отрог имеет уже значительную высоту. Некоторые вершины, как напр. Бермамыт, Эшкакон и другие, имеют до 7000 ф. высоты. Леса хвойные и лиственные растут вообще только по долинам и ущельям рек, остальное пространство покрыто густой, сочной, ароматической, но невысокой травою, питающей огромные стада овец, принадлежащих Кабардинцам и Карачаевцам, которых аулы были за десятки верст за Малкою и в вершинах Кубани. Эти стада служили лучшими заложниками верности Карачаевцев, живущих у подножия Эльбруса, в верхних частях долины Кубани, в горном крае, трудно доступном, покрытом хвойными лесами. Их пастбища доставляют сочный корм овцам только в жаркие летние месяцы и по мере **[167]** того, как жары начинают уменьшаться, Карачаевские стада спускаются с гор и наконец зимуют в долине Кубани ниже Хумары, в ущельях Кумы, Подкумка, Эшкакона и Учкуля.

Во время моих разъездов я часто ночевал или отдыхал на их кошах и лакомился шашлыком, которым пастухи угощали нас с патриархальным радушием. Карачаевская баранина вкуснее лучшей телятины и имеет какой-то особенный аромат, вероятно от горных трав, между которыми много пахучих цветов. Мне удалось познакомиться со многими Карачаевцами, и я с любопытством изучал этот добрый и смирный народ. Карачаевцы, которых число могло быть до 5 т. душ муж. пола, были когда-то покорены Кабардинцами и освободились только в то время, когда сами завоеватели подпали под власть России. Несмотря на то, в их ауле жил всегда один из Кабардинских князей Атаджукиных и считался главою народа. Своих князей у них не было, а по обычаям горцев народ не мог действовать оружием против какой-нибудь хищнической партии, в которой есть лицо княжеского рода. Карачаевцы воинственны и хорошо вооружены, но едва ли когда отличались особенным хищничеством, подобно Закубанцам. В 1828 году, командовавший войсками Кавказской линии генерал Эмануэль занял их аул без особенных затруднений и потерь. Карачаевцы присягнули на подданство, дали заложников и с тех пор оставались спокойными под управлением нашего пристава. Карачаевцы говорят Тюркским наречием, мало отличающимся от Ногайского, но народный тип совершено ничего не имеет похожего на Ногайский. Между ними много русых, с голубыми глазами, обильной бородой и чертами лица, очень сходными с типом мужиков средней России. Итальянским писателям средних веков они известны под именем Карачиоли, а Туркам Кара-черкес. С племенем Адиге, которое мы и Турки называем Черкесами, Карачаевцы ничего общего не имеют, но слог *Кара* в их имени указывает или на их порабощение или на особенную древность поселения в этом крае. Ни одна речка в их земле не называется Кара-чай или Кара-су. Между Карачаевцами есть немало людей богатых. В мое время

говорили, что Крым-шаукал имел до 200 т. овец. Их стада постоянно находятся вдали от аулов и зимуют под скалами, в таких ущельях, где они более укрыты от зимней непогоды. Пастухи едва однажды в год бывают в своем ауле и живут бездомными и бессемейными кочевниками. Замечательно, что таких пастухов Карачаевцы, как и Осетины, называют *казаками.* **[168]**

Пространство, на котором производилась моя съёмка, к Югу от Кисловодска до Малки и ее притока Хасаута, до горы Бермамыта, через Кумбаши и по ущелью Мары до Кубани, образовало Кисловодскую кордонную линии, которой начальник, артиллерии подполковник барон Ган, жил в Есентуках и был подчинен начальнику правого фланга генерал-майору Зассу, которого место пребывание было в Прочном-Окопе. Барон Ган был человек очень серьёзно образованный, но большой пьяница. Чрезмерная тучность делала его совершенно неспособным к кордонной службе; за то он мало о ней и заботился. На постах был беспорядок; постовые начальники, большею частью урядники или хорунжие линейного войска, отпускали казаков в дома за условную плату, так что, приехав однажды ночью на пост Кабардинский, я нашел там одних собак. Надо однако же признаться, что хищничества случались в этом крае нечасто, благодаря особенно удалению жилищ непокорных горцев. Для обеспечения минеральных вод от вторжения значительных партий, выставлялось на передовой линии несколько отрядов, и именно: на Кичмалке, на Каменном Мосту (на Малке), где было постоянное укрепление, на Хасауте, в вершинах Эшкакона, на Кумбаши, и при укреплении Хумара, близ устья Мары и Кубани. Отряды эти состояли из одной роты пехоты, 2-х полевых орудий и полсотни казаков. На Эшкаконе было две роты и сотня казаков, а на Каменном Мосту целый батальон, 2-го Мингрельского егерского полка, с 4-мя орудиями. Хотя эта передовая линия, выставленная с 1-го июля по 1-е Сентября, была учреждена генералом Вельяминовым, отлично знавшим край; но можно сомневаться в ее особенной пользе, как события и показали в Августе этого года. Сильная партия Абадзехов в 1.500 человек, возвращаясь после нападения на Кисловодск, переночевала в виду Эшкаконского отряда, который не смел носа показать из-за своего укрепления, импровизованного на лето из навоза и разного мусору. Правда, что этот случай относится к неудобствам кордонной системы более, чем к сообразному устройству этой передовой линии, так как эти три временных поста имели еще специальною целью прикрывать пространство в вершинах Подкумка и Эшкакона, где дирекция минеральных вод вырубала сосновые деревья на постройки при водах.

В начале Августа, я переехал из Кисловодской станицы в аул Тохтамышевский, верстах в 8 от Кубани и ст. Баталпашинской. Мне хотелось видеть ближе быт туземцев. Огромный аул населен был Ногайцами; но их обычай, образ жизни

и **[169]** вооружение совершенно одинаковы с Черкесами и Абазинцами, их соседями. Аул с давнего времени покорен, но очень нередко жители его по одиначке присоединялись к хищническим партиям немирных горцев, участвовали в разбоях, служили вожаками или укрывали хищников. На туземном языке говорилось, что это молодежь шалит. Но эти шалости имели всегда характер трагический и как повторялись почти ежедневно, то в Русском населении укоренилась ненависть к так называемым "мирным", и их не без основания считали более вредными, чем племена, находившиеся в явно враждебном к нам отношении. Впрочем, край был очевидно в переходном положении: Кубанские Ногайцы и Абазинцы мало по малу теряли свою самостоятельность и даже воинственность по мере того как наши действия отодвигали немирные, горские племена далее к Западу от верхних частей Кубани. Поручик Алкин, бывший в то время приставом Кубанских Ногайцев, говорил мне. "Ведь это они только теперь присмирели, а в начале двадцатых годов какие они нам задавали бои! Выезжало иногда до 5.000 всадников, из которых очень много было панцырников". Надобно признаться, что наше начальство, до некоторой степени, виновно в том, что воинственность и страсть к разбойническим подвигам все еще сохранялась между мирными. Из них набирались милиция для отражения вторжений или для наступательных движений. Этим приобретали только весьма ненадежное, дорого стоящее и совершенно беспорядочное войско. Сверх того, надобно заметить одну туземную особенность: горцы считают разбой и грабеж не пороком, а напротив удальством и заслугою. Русские отчасти заразились подобным же убеждением. Горец славился своими подвигами и если ожидал, что Русское начальство подвергнет его наказанию, то бежал к немирным и там старался обратить на себя особенное внимание предприимчивостью и удальством. Часто там беглецы делались известными предводителями хищнических партий. Случалось и то, что из мирных бежали к немирным люди, ни за что не преследуемые, но собственно, чтобы прославиться своими подвигами и усовершенствоваться в разбойничьей войне. Через такую высшую академию прошли многие молодые люди, как например Абазинский князь Мамат-Гирей Лоов, Адиль-Гирей Капланов-Нечев, впоследствии бывшие генерал-майорами, носившие тонкое белье и курившие хорошие сигары. Из них первый — человек хитрый и энергический, красавец и отличный наездник, отправляясь к немирным Абадзехам, предал порученного ему капитана генерального штаба барона Торнау, который вызвался проехать через земли **[170]** непокорных горских племен для собрания всякого рода сведений. Это предприятие показывает, во-первых, как мало мы знали край, в котором несколько десятков лет велась война, а во-вторых, какие странные приемы употребляли для собрания этих сведений. Еще в 1830 году преемник Ермолова, Паскевич послал артиллерийского поручика Новицкого в горы с таким же поручением. Новицкий

обрил голову, отпустил бороду, надел Черкесские рубища, выпачкал лицо и руки и, представляя глухонемого нукера, проскакал от Прочного-Окопа до Анапы. Проводником его были известные Шапсугские дворяне Абат и Убых Неморе, подкупленные за значительное вознаграждение. Они ехали по ночам, а дни проводили у знакомых Абата. Не смотря на то, Новицкого узнали по мозолям на ногах, и он едва не поплатился жизнью за свой бесполезный подвиг. Все это не помешало однако же Новицкому представить Паскевичу толстую тетрадь, в которой систематически, хотя не всегда верно, были описаны Черкесский край и племена, обитающие не только по пути его проезда, но и по южной покатости хребта до самой Абхазии. Разумеется, сам Новицкий ничего этого не видел и не слышал, а все сведения сообщены ему были Таушем и Люлье, переводчиками, служившими прежде в кампании Де-Скасси и жившими около 15 лет между горцами. Об этих двух личностях я буду иметь случай еще говорить, а здесь упоминаю только для того, чтобы показать, в какой степени бесполезна отважная поездка Новицкого. Вероятно теже результаты имела бы и попытка барона Торнау, если бы не измена Мамат-Гирея. Несчастный Торнау пробыл несколько лет в плену и с большим трудом и издержками правительства мог спастись бегством. Перенесенные им во время плена лишения и бедствия расстроили только его здоровье.

В конце Августа, съёмка моих топографов приближалась к концу, а пребывание в ауле мне начало надоедать. В сакле, без окон и дверей, ни на одну минуту нельзя быть свободным от докучливых посетителей, которые, нисколько не стесняясь, входили и уходили, вступали в разговор или во время чаепития запускали грязную лапу в сахарницу и раздавали куски мальчишкам, которых всегда штук 15 глазело в дверные и оконные отверстия. Я переехал в станицу Баталпашинскую, куда вскоре собрались и мои топографы, чтобы вычерчивать брульоны своих съемок. Я пробыл там до конца Ноября и был доволен тем, что этот случай доставил мне возможность близко ознакомиться с своеобразным бытом линейных казаков. С "межевым", как меня там называли, никто не церемонился, и я видел все в будничном виде. **[171]**

Однообразие моей станичной жизни было скоро нарушено одним замечательным происшествием. Часов в 6 вечера пушечный выстрел с вала, окружающего станицу, возвестил тревогу. Поднялись страшная суета и беготня. Все способные к оружию схватили шашку и ружье, и бросились на станичный вал; женщины бежали туда же, отведя детей в каменную церковную ограду, служившую цитаделью. Станица была очень большая; но, как большая часть служилых казаков были на службе по дальним постам, а регулярных войск не было, то защищать такое обширное и при том очень слабое укрепление было делом нелегким. Оказалось впрочем, что горцы не имели никакого намерения

нападать на эту станицу. Их партия открытой силой перешла через Кубань у поста Черноморского и двинулась мимо Тохтамышского аула по направлению к станице Бекешевской. От станицы Баталпашинской их густая толпа проскакала верстах в 4-х, и не смотря на то, по ним стреляли из шестифунтовых чугунных пушек, чтобы сделать тревогу в крае и дать знать неприятелю о своей готовности к бою. Часа через три прискакал с казаками и Ногайской милицией генерал-майор Засс, начальник правого фланга. Я в первый раз видел эту далеко недюжинную личность. Тогда Засс явился мне в ореоле множества легендарных об нем рассказов и в обстановке как нельзя более марциальной и поэтической. Это был человек среднего роста, с тонкими чертами лица, длинными русыми усами и плутоватыми глазами. Он и все лица его свиты были одеты в живописный Черкесский костюм и щеголяли оружием. Я был молод, воображение дополняло действительность. Только впоследствии времени в этой блестящей картине оказались темные места. Польза этих рыцарских подвигов оказалась сомнительною, но это нисколько не умаляет заслуг Засса. В настоящее время это был бы идеальный партизанский генерал, который в Европейской войне мог бы играть важную роль при нынешнем устройстве и вооружении войск.

При генерале Зассе состоял прикомандированный к Генеральному Штабу гусарский поручик Цеге-фон-Мантёйфель. От него я узнал, что ворвавшееся в наши пределы скопище состояло из Абадзехов и Убыхов до 1500 человек под предводительством Али-Хырсыза, известного разбойника, как видно уже и из самого его имени (хырсыз значит разбойник). Этой кличкой Али особенно гордился, и она-то вероятно и доставила ему честь быть предводителем в смелом набеге. Вообще воровство и разбой, как в древней Спарте, были у Черкесов в чести; позорно было только **[172]** быть пойманным в воровстве. Мне памятен один характеристичный случай. В 1842 году, к начальнику отряда, действовавшего в стране Натухайцев, контр-адмиралу Серебрякову, приехала депутация для переговоров. Из пяти человек четверо были седые старики, пятый безбородый юноша. Серебряков говорил с депутатами по-турецки без переводчика и начал с того, что упрекнул народ Натухайский за то, что прислал для переговоров такого мальчика, которому следует только молчать и слушать старших; я был при этом разговоре. Серебряков спросил меня, понял ли я ответ одного из стариков депутатов. Я сказал, что, если не ошибаюсь, старик говорит, что, хотя молодой человек действительно молод, но он сын очень почтенного родителя, которому 80 лет и который никогда не воровал. "Плохо - же вы поняли", сказал Серебряков; "он 80 лет воровал, но ни разу не был пойман; от того его сыну и сделан такой почет".

Цель вторжения партии составляла безусловную тайну и вероятно известна была одному предводителю; иначе нашлось бы немало желающих продать эту тайну Зассу или другому кордонному начальнику. Это составляет характеристическую черту Черкесов. У всех них была общая ненависть к Русским и общая жадность к рублям. Лазутчик, изменнически выдавший тайну партии, летит опять к ней и дерется против нас с самоотвержением. Лазутчиков мы имели во всех сословиях, начиная от князей до последнего пастуха. Экстраординарная сумма, отпускавшаяся безотчетно кордонным начальником на подарки горцам, производила разрушительное действие на нравственность этого дикого народа и могла бы окончательно его развратить, если бы значительная часть этой суммы самовольно не отклонялась от своего назначения. Впрочем, горец, получив наши рубли, никогда не употреблял их на улучшение своего быта, и, если не сбывал их Армянам на оружие или его украшение, то зарывал в землю, опасаясь открытия его сношений с Русскими.

Партия ночевала перед этим верстах в 80 от Кубани; большая часть всадников были о-дву-конь, т.е. имели в поводу запасную лошадь. Это указывало на дальнюю и серьезную цель набега. Генерал Засс, по первому известию о движении неприятельской партии, собрал все, что было возможно и двинулся к Баталпашинску. Здесь он должен был остаться несколько часов, чтоб дать вздохнуть лошадям, и особливо, чтобы получить верные сведения о направлении партии. Для этого Ногайская милиция была немедленно послана по следам партии. **[173]**

События разыгрались с необыкновенною быстротою. Партия, проскакав в виду Бекешевской станицы на правый берег Кумы, поднялась на лесистые и пересеченные берега р. Дарьи и там имела несколько часов отдыха. Еще до рассвета, горцы пустились в дальнейший путь по направлению к ст. Есентукской, но наткнулись на двух Донских казаков, посланных в ст. Боргусантскую с известием о тревоге. Они гнались за казаками несколько верст, своротив к ст. Боргусантской. Один Донской казак был схвачен и изрублен; другой, из Калмыков, проскакал мимо станицы, где уже была тревога и ворота заперты, и бросился по дороге к Кисловодску. Можно думать, что гонка за казаками отвлекла горцев от ст. Есентукской и, как тревога уже распространилась по всему краю, они решились броситься на Кисловодск.

То, что называлось городом, состояло из нескольких улиц, с маленькими турлучными домиками, принадлежавшими офицерам и солдатам гарнизона; там были две роты и штаб-квартира линейного батальона. На бастионах маленькой крепостцы было несколько орудий, из которых едва ли когда-нибудь стреляли. Возможность открытого нападения на Кисловодск едва ли кому-нибудь приходила в голову, тем более, что передовые отряды войск еще не были сняты,

хотя курс минеральных вод уже кончился и только оставалось несколько запоздалых посетителей. Рано утром Калмык подскакал к запертым воротам казачьего поста, находящегося на краю города у подножия возвышенности, на которой была крепостца. Горцы схватили Калмыка и бросились на пост и окрестные дома. В одном из них они изрубили помещицу Шатилову, которую, по чрезвычайной тучности, не могли увезти. Казаки отстреливаясь успели отступить; горцы зажгли пост. В городе происходила страшная суматоха: жители прятались, солдаты бежали в крепость; туда же прибежал 60-летний старик, Федоров, подпоручик гарнизонной артиллерии. Нужно было открывать огонь по неприятелю, находившемуся в каких-нибудь 150 саженях, но фитилей не оказалось. Принесли огня, когда горцы уже стали уходить. Из первых на тревогу явилась известная в то время генеральша Мерлина, верхом, по-казачьи, с шашкой и нагайкой, которой чуть не досталось старику Федорову. Наконец, открыли огонь ядрами. Тут наездница выказала замечательные тактические соображения. Она закричала на Федорова: "Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу в ущелье, валяй картечью". Старик сказал: "слушаю, матушка, ваше превосходительство"; но выстрелов гранатами не последовало, горцы были уже **[174]** далеко. На посту оказалось несколько человек ранеными и шесть казаков увлечены в плен. Все это произошло не более как в полчаса. У неприятеля тяжело ранен предводитель Али-Хырсыз. Его взвалили на лошадь, но, проскакав несколько верст, увидели, что он умер.

Партия направилась мимо поста Красивого, к вершинам Эшкакона. Пехота наша пошла следом, казаки стали со всех сторон собираться, но проследовали вяло, по причине малочисленности. Горцы к вечеру достигли вершин р. Эшкакона и остановились там для отдыха. Они развели огни, пели песни, делили скудную добычу и вообще нисколько не стеснялись нашим передовым постом, от которого были не далее пушечного выстрела. До рассвета горцы уже спокойно продолжали ехать чрез Карачаевскую землю, перешли чрез Кубань выше устья Мары и въехали в ущелье р. Аксаута.

В продолжение этого времени генерал Засс, узнав направление горцев, немедленно сделал распоряжение направить пехоту, еще не дошедшую до Баталпашинска, за Кубань, а сам с казаками переправился туда же и назначил общий сборный пункт в ущельи р. Аксаута. Со всех сторон к нему приходили верные известия о движении партии, и он, зная край и обычаи горцев, не сомневался, что они будут возвращаться не по той дороге, по которой пришли и где все в тревоге, а изберут другое удобнейшее, хотя не кратчайшее направление. В этом предположении он быстро двинулся вверх по Аксауту и занял удобную позицию. Горцы не заставили себя долго ждать; наткнувшись на

наши войска, они решились пробиться, но лошади были слишком утомлены, и местность была для них очень неудобна. Не смотря на то, им удалось, наконец, пройти, но оставив 42 тела и бросив наших пленных. Казаки почти не преследовали далее неприятеля, партия разбрелась поодиночке. Засс, по обычаю, приказал отрезать головы убитых и с этим трофеем возвратился в свой Прочный-Окоп. Через год после того, я встретил генерала Засса в Ставрополе. Он ехал в санях, а другие сани, закрытые полостию, ехали за ним. "Куда это, ваше превосходительство, и что вы везете?"—"Еду, земляк, в отпуск и везу Вельяминову в сдачу решенные дела". С этим словом он открыл полость, и я не без омерзения увидел штук пятьдесят голых черепов. Вельяминов отправил их в Академию Наук.

Я довольно подробно описал это происшествие, потому что для меня оно было своеобразной и характеристичною картиной Кавказской кордонной войны, а сверх того оно и само имело большой общий интерес. Это было почти последнее вторжение горцев в **[175]** наши пределы открытою силою, и для нападения на отдаленное и значительное заведение. Горцы, чрез мирных, очень хорошо знали, что в Кисловодске есть регулярная пехота, а в крепости пушки; следовательно, успех предприятия мог быть только при чрезвычайной быстроте и внезапности нападения. Беспрестанные набеги генерала Засса заставили непокорных горцев удалить свои жилища за Лабу, так что ближайшие Абадзехские аулы были верстах в 90 от верхней Кубани. В этом промежутке жили, по предгориям, разные мелкие племена, которые беспрестанно покорялись и изменяли. Они равно боялись и Русских, и Абадзехов. Волей или неволей, они давали пристанище всем воровским партиям и большим сборищам, готовившимся ко вторжению в наши пределы или оттуда возвращавшимся. Так, сборище Али-Хырсыза ночевало в 80 верстах от Кубани, и в два последующие дня должно было проскакать более 250 в., имея два небольших отдыха и не более получаса остановки в Кисловодске. Такая быстрота объясняется тем, что большая часть всадников имели заводных лошадей и еще более тем, что горцы имели свой, выработанный веками разбойничества, способ приготовлять лошадей для таких дальних и быстрых походов. Чтобы приготовить (или как казаки говорили, подъяровить) лошадь, нужно не менее месяца, в который ее держат в теплой конюшне, кормят сначала мало, а потом дают только овес, ячмень или просо; ездят на ней умеренно, увеличивая постоянно расстояния. Впрочем, порода Черкесских лошадей имеет в этом особенное значение. У горцев западной половины Кавказа были тогда знаменитые конские заводы: Шолок, Трам, Есени, Лоо, Бечкан. Лошади не имели всей красоты чистых пород, но были чрезвычайно выносливы, верны в ногах, никогда не ковались, потому что их копыта, по выражению казаков «стаканчиком», были крепки, как кость. Некоторые кони, как и их всадники,

имели громкую славу в горах. Так напр. белый конь завода Трам был почти столько же известен у горцев, как и его хозяин Магомет-Аш-Атаджукин, беглый Кабардинец и знаменитый хищник. Горцы любят своих лошадей, очень о них заботятся, но держат их на узде очень строго и беспрестанно возбуждают их энергию хлопаньем нагайки и разными поворотами. Я купил на Баталпашинской ярмарке за 22 р. сер. молодого мерина, мало езженого, завода Есени, серой масти, как и все лошади этого завода. Толку в лошадях я не знаю; но могу сказать, что мой конь верно служил мне 7 экспедиций и удивлял меня необыкновенною выносливостью, послушанием и искусством лазить по горам. Впоследствии его ценили в 500 р. сер. Вероятно, он и долго **[176]** еще продолжал бы верно служить мне, если бы его не погубили: моряк, которому я его на время поручил, и ученый ветеринар.

Съёмка моя была вычерчена, подписана и наклеена. 2 Декабря я возвратился в Ставрополь, готовясь получить большие похвалы за беспримерный успех работы. Я представил обер-квартирмейстеру все листы съемки, занявшие пол почти всей его столовой. Горский, посмотрев очень равнодушно, сказал: "Что же это вы сделали? Вы сняли все пространство. Куда же мы будем посылать съёмочные партии". Этот вопрос поубавил мои надежды, а когда Горский представил меня и мою съёмку командующему войсками, генерал Вельяминов сказал только: "Экая термалама!". Последнее выражение относилось к большой пестроте плана края, гористого и во многих местах покрытого лесами хвойными, лиственными и смешанными. Впоследствии времени я получил, при общем представлении, единовременно тысячу рублей, которые мне были совсем не необходимы, и я их отправил своим старикам.

Через несколько дней по моем приезде, полковник Горский объявил мне, что я должен вступить в исправление должности обер-квартирмейстера по случаю скорого отъезда его, Горского, в Тифлис, по требованию корпусного командира. Еще до приезда в Ставрополь я получил уведомление, что высочайшим приказом я переведен капитаном в Генеральный Штаб, по правам Военной Академии. Не смотря на то, я не был старшим из наличных офицеров этого ведомства. Капитан Пассек был старше меня в чине. Горский не принял этого в соображение, выразившись очень нелестно о Пассеке. Действительно, это был человек вялый от природы и еще более изнуренный болезнями и непорядочною жизнью. Это был сын от первого брака Пассека, сосланного в Сибирь и там женившегося (См. Записки его в Русском Архиве 1863 г. П. В.) Все дети этого второго брака были люди способные и энергические. Один из них обратил на себя особое внимание на Кавказе и погиб в чине генерал-майора, во время знаменитой экспедиции князя Воронцова в Дарго, в 1845 году.

Полковник Горский выехал в Тифлис, а до того времени ничего не делал, или рисовал акварелью батальные картины, а я исправлял его должность, и раз в неделю докладывал генералу Вельяминову, которому такой порядок вещей совсем не казался ненормальным. Вообще, тогда на Кавказе не было того педантического формализма, который на каждом шагу бил в глаза во всей России. Частный начальник устраивался в своем управлении более или менее по своему личному усмотрению. Особенно это относилось **[177]** к начальникам главных частей. Генерал Вельяминов был вместе и начальником Кавказской области. Его гражданское управление, в котором он имел права генерал-губернатора, было совершенно отдельно от военного. Последнее устроилось довольно оригинально. Главные его части, как и везде, составляли дежурство и управление генерального штаба. Дежурство, сверх обыкновенного круга действий, имело еще много других занятий, обусловливаемых особенностями края и производившимися в нем военными действиями; генеральный штаб, напротив, был значительно стеснен в своем круге действий. Вельяминов не любил офицеров этого ведомства. Большую часть занятий по военным действиям во всем крае он сосредоточил в секретном отделении, которым, под его руководством и в его квартире, управлял состоявший при нем для особых поручений полковник Ольшевский. Он прежде был адъютантом Вельяминова и теперь пользовался у него большим доверием. Об этой личности я должен сказать несколько слов. Ольшевский, Поляк и католик, был сын какого-то шляхтича в Белоруссии или Литве, воспитывался в кадетском корпусе и потому образование получил самое посредственное. Никакого иностранного языка он не знал. От природы он имел хорошие умственные способности, на службе приобрел навык и рутину очень хорошего канцелярского чиновника, а в школе Вельяминова сделался очень недурным боевым офицером. Ольшевский был очень трудолюбив и, кажется, искренно был предан Вельяминову... Он был хороший семьянин и любил окружать себя родными и угодниками. Последних было у него немало в военном и гражданском ведомствах. С Горским он был во вражде, и это невыгодно отзывалось на служебном положении офицеров генерального штаба. Личность и характер Ольшевского были очень несимпатичны. Говорят, будто Вельяминову однажды кто-то сказал о злоупотреблениях Ольшевского, и Вельяминов отвечал: «докажи, дражайший, и тогда я его раздавлю; а если не можешь доказать, то я сплетней не желаю и слушать». Если этого и не было, то могло быть.

Настала весна 1837 года. Северному жителю трудно и вообразить себе прелесть весны в предгориях, под 45° широты. Мои несложные занятия оставляли мне много свободного времени. Днем я делал большие прогулки пешком и верхом, вечера проводил с немногими товарищами, с которыми особенно сблизился.

Из новых знакомых особенно замечателен был Н. В. Майер. Дружбе его я многим обязан и потому очень бы хотел изобразить его таким, как он был, но едва ли сумею: так много **[178]** сталкивалось разнообразных, а нередко и противоположных качеств в этой личности, далеко выступавшей из толпы.

Отец Майера был уважаемый ученый секретарь одной Академии. Крепкого сложения, бодрый умом и телом, семидесятилетий старик не любил своего младшего сына, который ни в чем на отца не был похож. Ребенок провел детство в болезнях и страданиях; от золотухи у него одна нога сделалась на четверть короче другой. Только любовь доброй матери могла удержать жизнь в этом тщедушном ребенке. Вероятно, ей же он был обязан тем, что на всю жизнь сохранил любовь к Богу и к людям. Первая у него проявлялась с значительным оттенком мистицизма, не имеющего впрочем ничего общего с его официальным вероисповеданием. Отец его был крайних либеральных убеждений; он был масон и деятельный член некоторых тайных политических обществ, которых было множество в Европе между 1809 и 1825 годами. Как ученый секретарь Академии, он получал из-за границы книги и журналы без цензуры. Это давало ему возможность следить за политическими событиями и за движением умов в Европе. В начале 20-х годов он получил из-за границы несколько гравированных портретов Итальянских карбонари, между которыми у него были друзья. Его поразило сходство одного из них, только что расстрелянного Австрийцами, с его младшим сыном, Николаем. Позвав к себе мальчика, он поворачивал его во все стороны, осматривал и ощупывал его угловатую, большую голову и, наконец, шлепнув его ласково по затылку, сказал по-немецки: "однако же, из этого парня будет прок!" С этого времени он полюбил своего Никласа, охотно с ним говорил и читал и кончил тем, что привил сыну свои политические убеждения. Старик кончил жизнь самоубийством, добрая жена его умерла, старший сын пропал без вести, младший — Николай, остался круглым сиротой. Он получил очень хорошее домашнее воспитание и поступил в Медико-хирургическую Академию. Научные занятия его были неровны, порывисты; если он делал успехи, то только благодаря своему острому уму и огромной памяти. Он много читал и много думал. В болезненное детство, лишенный возможности разделять игры и забавы своих товарищей, он создал себе особый мир и на всю жизнь остался почти ребенком в делах житейских.

По выпуске из Академии, Майер поступил на службу врачом в ведение генерала Инзова, управлявшего колониями в южной России, а оттуда переведен в Ставрополь для особых поручений в распоряжение начальника Кавказской области, генерала **[179]** Вельяминова. Эти поручения были несложны: зимой он жил в Ставрополе, а летом на минеральных водах. Он сделался очень известным практическим врачом; особенно на водах он имел огромную и лучшую

практику, что совершенно его обеспечивало. В общественных удовольствиях он не участвовал; но можно было быть уверенным, что всегда встретишь его в кругу людей образованных и порядочных. Вместе с тем он был и человеком светским. Во всяком обществе его нельзя было не заметить. Ум и огромная начитанность вместе с каким-то аристократизмом образа мыслей и манеры невольно привлекали к нему. Он прекрасно владел русским, французским и немецким языками и когда был в духе, говорил остроумно, с живостью и душевною теплотою. Майер имел много успехов у женщин и этим конечно был обязан не физическим своим достоинствам. Небольшого роста, с огромной угловатой головой, на которой волосы стриг под гребенку, с чертами лица неправильными, худощавый и хромой, Майер нисколько не был похож на тип гостиного ловеласа; но в его добрых и светлых глазах было столько симпатичного, в его разговоре было столько ума и души, что становится понятным сильное и глубокое чувство, которое он внушал к себе некоторым замечательным женщинам. Характер его был неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастический оттенок его разговора навлекали ему иногда неприятности, но не лишили его ни одного из близких друзей, которые больше всего ценили его искренность и честное прямодушие. Преданность друзьям однажды едва не погубила его. В третий год бытности на Кавказе он очень сблизился с А. Бестужевым (Марлинским) и с Палицыным — декабристами, которые из каторжной работы были присланы на Кавказ служить рядовыми. Оба они были люди легкомысленные и тщеславные и во всех отношениях не стоили Майера. Бестужеву Полевой прислал белую пуховую шляпу, которая тогда в западной Европе служила признаком карбонари. Донос о таком важном событии обратил на себя особенное внимание усердного ничтожества, занимавшего должность губернского жандармского штаб-офицера. При обыске квартиры, в которой жили Майер, Бестужев и Палицын, шляпа найдена в печи. Майер объявил, что она принадлежит ему, основательно соображая, что, в противном случае, кто-нибудь из его товарищей должен был неминуемо отправиться обратно в Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряжению высшего начальства, Майер выдержал полгода под арестом в Темнолесской крепости. На его начальника этот случай не имел никакого **[180]** влияния: генерал Вельяминов отнесся к нему совершенно равнодушно, и сохранил к Майеру свое прежнее блогорасположение.

Через Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые, по разрядам, присылались из Сибири рядовыми в войска Кавказского корпуса. Из них князь Валериан Михайлович Голицын жил в одном доме с Майером и был нашим постоянным собеседником. Это был человек замечательного ума и образования. Аристократ до мозга костей, он был бы либеральным вельможей, если бы судьба не забросила его в Сибирские рудники. Казалось бы, у него не

могло быть резких противоречий с политическими и религиозными убеждениями Майера, но это было напротив. Оба одинаково любили парадоксы и одинаково горячо их отстаивали. Спорам не было конца, и нередко утренняя заря заставала нас за нерешенным вопросом. Эти разговоры и новый для меня взгляд на вещи заставляли меня устыдиться моего невежества. В эту зиму и в следующую я много читал, и моими чтениями руководил Майер. Я живо помню это время. История человечества представилась мне совсем в другом виде. Давно известные факты совсем иначе осветились. Великие события и характеры Английской и особенно Французской революции 1789 года, приводили меня в восторженное состояние. Майер и Голицын с какою-то гадливостью смотрели на толпу и если соглашались считать братом грязного оборвыша, то только младшим братом, который обязан был признавать их превосходство. Я же любил народ, как сын народа. Мне казалось высоким и великодушным посвятить себя служению народу, не только не в видах его благодарности за жертвы, но с уверенностью, что эти жертвы не будут оценены никем, кроме совести и Того, Кто видит глубину нашей души. Было много угловатого, порывистого, даже безрассудного в убеждениях, которые я тогда составил; но в них было много молодого, доброго и искреннего. Вероятно это-то и приобрело мне дружбу Майера и некоторых других товарищей, с которыми я тогда сошелся.

Голицына и Кривцова я застал уже унтер-офицерами и с солдатскими Георгиевскими крестами. Это было уже последним шагом к чину прапорщика. Сергей Иванович Кривцов был большого роста, с резкими чертами лица, порядочно образован, но довольно легкого характера. В 1838 г. он был произведен в прапорщики и на одном балу пустился в пляс. Голицын подошел к нему и, полушутя, шепнул: Mon cher Кривцов, vous derogez a votre dignite de pendu (Любезный Кривцов, вы роняете ваш сан висельника.) В самом деле, как-то неловко видеть **[181]** прыгающего между молодежью человека пожилого, прошедшего через такое страшное бедствие. Бестужев тоже был произведен в прапорщики линейного батальона, составлявшего гарнизон укрепления Гагры. Это укрепление выбрано для него потому, что славилось своим губительным климатом. Бестужев отправился в Тифлис и был прикомандирован к отряду, которому назначено было занять устье реки Мдзышты, в земле Джигетов, где и было построено укрепление Св. Духа. В деле, бывшем при занятии этого места, Бестужев был послан с приказанием от барона Розена, лично командовавшего отрядом, и не возвратился. Вероятно он был убит в лесу. Долго после того его искали, но все расспросы у горцев не навели ни на какие следы. В 1838 году я узнал, что у Убыхов есть в плену какой-то офицер, но когда его выкупили за 200 пудов соли, оказалось, что это был прапорщик Вышеславцов, взятый горцами в пьяном виде и надоевший своим хозяевам до того, что они хотели его убить.

Это не помешало ему однако же отправиться в Петербург, где какой-то грамотей описал его подвиги и приключения. Бестужев пропал без вести. Мир душе его! Он не дожил до серьёзной критики своих сочинений, которые тогда читались с упоением.

Возвращаюсь к весне 1837 года. Это было время, когда решался важный вопрос: кто куда поедет на лето? Все старались попасть в экспедицию, но, конечно, не всем удавалось. Исправление должности обер-квартирмейстера поставило меня в прямые сношения с командующим войсками, которому я докладывал раз в неделю. Вероятно, поэтому он назначил меня в отряд, который должен был действовать под его начальством в земле Натухайцев.

В конце Апреля я отправился на сборный пункт отряда, Ольгинское мостовое укрепление, вместе с моими добрыми товарищами Старком и Сальстетом. Оба они были Финляндцы, но совершенно разного характера. Старк был прикомандирован на год для участвования в военных действиях; постоянно он служил поручиком в гвардейском генеральном штабе, где был известен как очень способный офицер. Он годом раньше меня вышел из Военной Академии первым. Сальстет был прикомандирован к генеральному штабу, а числился прапорщиком в Навагинском полку. Это была олицетворенная доброта и честность. С ним я вместе квартировал в Ставрополе и дружно прожил до 1861 года. Оба они рано умерли. **[182]**

Наша поездка в Ольгинское была довольно оригинальна. Это расстояние в 300 верст мы проехали верхом. Отряд собрался, а в первых числах Мая приехал Вельяминов.

Здесь мне необходимо сказать несколько слов о том, какого рода предстояли нам действия, а прежде всего о самом генерале Вельяминове, который их должен был привести в исполнение. Тут я должен оговориться. Я знаю, что многие не разделят моего мнения об этом не совсем обыкновенном человеке. Могу только поручиться, что я старался его изучить и если им не восхищаюсь, то, по крайней мере, и не могу себя упрекнуть в пристрастии.

Алексей Александрович Вельяминов происходил из старого дворянского рода, но не имел никаких аристократических притязаний. Однажды у него за обедом один господин (г. Кутузов), думая доставить ему удовольствие, сказал, что род его древней и что в истории России Вельяминовы упоминаются при Димитрие Донском. "Ну, это ты, дражайший, далеко хватил. При Иване Грозном действительно упоминается о Вельяминове; но видно был мошенник, за то и повешен". У Алексея Александровича был старший брат, Иван Александрович, бывший генерал-губернатор Западной Сибири, и две сестры, старые девицы,

жившие в небольшом родовом имении в Тульской губернии. С братом Алексей Александрович был всегда очень дружен; смерть брата в 1837 году ускорила и его кончину. Он был последним в своем роде и умер холостым. Вот все, что я знаю об его семействе; а о его молодости мне известно только, что он служил в артиллерии и участвовал в Аустерлицком сражении (1805 г.). Он принадлежал к кружку, из которого вышло несколько заметных деятелей, как Ермолов, князь Меншиков, граф Бенкендорф и другие, с которыми он сохранил дружеские отношения. На Кавказе он сделался известен, как начальник штаба отдельного Кавказского корпуса, во время командования А. П. Ермолова, которого он был верным другом и помощником. Они были на ты и называли друг друга Алешей. За Елисаветпольское сражение Вельяминов получил Георгия 3-й степени; очевидцы говорят, что он был главным виновником победы, начав решительную атаку, даже против воли главного начальника, Паскевича. Командующим войсками Кавказской линии и Черномории и начальником Кавказской области он был назначен, кажется, в 1831 году. А. А. Вельяминов получил хорошее образование, а от природы был одарен замечательными умственными способностями. Склад его ума был оригинальный. Воображение играло у него очень невидную роль; все его мысли и заключения носили на **[183]** себе видимый характер математических выводов. Поэтому, вероятно и в отношениях к людям ему чужды были чувствительность и сострадание, там где он думал, что долг или польза службы требовали жертвы.

Строгость его доходила до холодной жестокости, в которой была некоторая доля цинизма. Так во время экспедиций он приказывал при себе бить палками или нагайками солдат, пойманных в мародерстве. Он покойно садился на барабан и назначал время, в продолжение которого должна производиться экзекуция. При этом он разговаривал с другими, пока по часам оказывалось, что прошел назначенный срок. Однажды за обедом, при мне, он в разговоре об одном преступнике цинически сказал: "Ну, что ж? Следует ему прописать Английское стегание". Этим шутливым термином он назвал публичное наказание кнутом.

Вельяминов хорошо, основательно учился и много читал; но это было в молодости. Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей конца XVIII века. За новейшей литературой он мало следил, хотя у него была большая библиотека, которую он постоянно пополнял. Он считался православным, но кажется, был деистом, по крайней мере никогда не бывал в церкви и не исполнял обрядов. Настольными его книгами были Жильблаз и Дон-Кихот на французском языке. Первого ему читали даже накануне смерти; изящная литература его нисколько не интересовала.

Вельяминов, был честный и верный слуга Государя, но с властями держал себя самостоятельно, а с ближайшим начальником, бароном Розеном, не ладил. Сколько мне из дел известно, в этом его нельзя упрекать. Придирчивость и недоброжелательство Тифлиса доходили часто до жалкой мелочности. Все это вредило и делу и людям. Тогда я безусловно обвинял барона Розена и переменил свое мнение, когда опыт показал, что такие отношения между корпусным командиром и начальником войск на северной стороне Кавказа зависели менее от лиц, чем от непрактичного положения, в которое эти лица были поставлены. Военные действия производились постоянно на северной стороне Кавказа; а в южной, где непосредственным начальником и войска и края был корпусный командир, они возникали только случайно и не имели особенной важности. Там была задача более мирная, но не менее трудная: сплотить разные народности Закавказского края, слить их в одну массу под управлением, которое бы не противоречило ни общему строю империи, ни вековым обычаям и историческим преданиям каждого **[184]** племени. Сверх того, нужно было охранять границу от полудиких, но коварных и изменчивых соседей, Персиян и Турок. Анархическое состояние этих разлагающихся государств делало чрезвычайно трудным применять к ним Европейские правила международных отношений. Еще более: дикие и невежественные племена Кавказские питали к ним однако же сочувствие, по единоверии, по общей страсти к необузданному своеволию и разбойническим подвигам, и наконец, по инстинктивному сознанию, что Турки и Персияне наши естественные враги и следовательно их союзники. Этим путем проникали к нам издавна мусульманский фанатизм, контрабанда и чума. А. П. Ермолов успел сосредоточить в себе всю военную и административную деятельность на всем Кавказе. При нем все шло ровным шагом, без колебаний; его имя было грозно у соседей, у врагов и у своих подвластных. Войск у него было мало, но этот недостаток с избытком восполнялся несомненным превосходством главного начальника, полным доверием и преданностью ему войск. Барон Розен был совсем в другом положении. Назначенный командиром отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим в Грузии, не в уважение его предшествовавших подвигов военных и административных, подвигов довольно скромных, а по связям и по безотчетной прихоти Государя и Паскевича, барон Розен явился в край, ему совершенно неизвестный, и должен был руководить сложным делом, ему совершенно чуждым. В 1832 г. он попробовал лично принять начальство над войсками, действовавшими против Кази-муллы. Экспедиция была трудная, взятие Гимры и истребление Кази-муллы наделали шуму, но едва ли не были одним из тех подвигов, которые приносят более славы, чем пользы. После этого Розен утонул в пучине Тифлисской бумажной администрации, предоставив себе только общее направление военных действий на Кавказе. Я не думаю, чтобы он добровольно покорился этой роли, хотя допускаю возможность, что он хотел ее

честно исполнить. Но — один в поле не воин. Его многочисленный штаб с завистью и недоброжелательством смотрел на тех, которые на северной стороне Кавказа постоянно участвуют в военных действиях и получают более наград. Нужно сказать, что император Николай (особливо после командования Паскевичем на Кавказе) был столько же щедр на награды за военные отличия, сколько скуп за гражданскую и мирную службу. Военные действия на Северном Кавказе и в Дагестане поручил он Вельяминову, которого знал лично и не мог не ценить его достоинств, блистательно выказанных в долговременную службу на Кавказе. Выбор **[185]** был вполне удачен. Я думаю, не было и нет другого, кто бы так хорошо знал Кавказ, как А. А. Вельяминов; я говорю Кавказ, чтобы одним словом выразить и местность, и племена, и главные лица с их отношениями и, наконец род войны, которая возможна в этом крае. Громадная память помогала Вельяминову удержать множество имен и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную картину. Из этого никак не следует, чтобы я считал его непогрешимым и признавал все его действия гениальными. Впоследствии мне придется говорить об его ошибках; теперь же могу сказать только, что как в военном деле, так и в мирной администрации это был самобытный и замечательный деятель.

При таком обширном круге действий А. А. Вельяминов был очень ленив. Стоило не мало усилий упросить его выслушать какой-нибудь доклад или подписать бумаги. Приговоры по судебным делам оставались по году и более неподписанными, и подсудимые во множестве сидели в остроге, который отличался всеми возможными неудобствами. Мой доклад ему по Вторникам был всегда довольно короток; но один раз, пришедши в кабинет с докладным портфелем, я несколько минут ждал, пока он встанет с кушетки, где обыкновенно лежал на спине, заложив руки за шею. Когда он вышел, то покосился на меня неласково и сказал: "ныне не твой день, дражайший". Не успел я сказать, что сегодня Вторник, А. А. вышел в другую комнату, и я услышал, что он работает на токарном станке. Я подождал минут пять в адьютантской и вошел опять в кабинет, когда Вельяминов был уже там. Он молча ходил взад и вперед, по временам косясь на мой портфель; наконец, не выдержал и спросил с неудовольствием: "Да что это у тебя, дражайший, сегодня так много к докладу? ". Тогда только я спохватился.— "Это, ваше превосходительство, проект покорения Кавказа флигель-адьютанта полковника Хан-Гирея, присланный военным министром на ваше заключение".—"А, пусто-болтанье! Положи, дражайший, на стол, я рассмотрю". Я положил в одно из отделений его письменного стола и более года видел его там же, только с возраставшим слоем пыли. Так он и не рассмотрел до своей смерти этого проекта, в котором, действительно, ничего не было существенного. За то, если

А. А. превозмогал свою лень, то своеручно писал огромные черновые бумаги разумно, толково, с полным знанием края и дела, но просто до сухости и без всякого притязания на фразерство. Нужно сказать, впрочем, что лень Вельяминова часто происходила от его болезненного состояния.
Он **[186]** страдал гемороидальными припадками, которые иногда до того усиливались, что он не мог ехать верхом или на дрожках, и его, во время экспедиции, однажды носили на носилках. Вообще он был сложения довольно слабого, рыжий, среднего роста, худощавый, с манерами и движениями медленными; он вероятно и в молодости не считался ни ловким, ни красивым. В чертах лица его особенно заметны были его тонкие губы, острые и редкие зубы и умные серьезные глаза; он говорил всегда серьезно, степенно и умно, но без педантства и напускной важности. За обедом, у себя, он был разговорчив, но не позволял говорить о служебных делах. Гостеприимство его было оригинально до странности: у него обыкновенно обедало человек 25 или тридцать, но он никого не звал. Всякий из штабных мог приходить. Сам он, как строгий гомеопат, обедал у себя отдельно и чрезвычайно диетно, но каждый день заказывал повару меню "для компании" (как он называл) и выходил к общему столу за вторым блюдом. Хозяйство его шло беспорядочно, но оригинально. Все запасы и даже столовые принадлежности закупались в гомерических количествах. Всем у старого холостяка заведывал Ольшевский. Однажды, когда А. А. вышел на крыльцо, чтобы сесть в экипаж, один из нас обратил его внимание на то, что его фуражка уже порядочно устарела; он снял ее, поворочал серьезно на все стороны и сказал Ольшевскому: "Скажи, дражайший, чтобы мне сшили дюжину фуражек". Так было во всем: единицами он не считал. Во время экспедиций, с ним была его походная кухня, которой запасы возились в фургонах, и сверх того было 18 вьючных верблюдов; но за то гостеприимство его не изменялось. В Ставрополе мне случалось месяца два кряду видеть за его столом какого-то артиллерийского обер-офицера в стареньком сюртучке и в шароварах верблюжьего сукна. Однажды А. А. спросил меня: кто этот капитан? Я пошел узнать. Оказалось, что этого офицера (поручика) никто не приглашал, а приходил он к обеду, потому что ему есть нечего. После этого я не видел этого офицера, и уверен, что Вельяминов велел ему помочь. Для этого употреблялись обыкновенно деньги из экстраординарной суммы, которая отпускалась в значительных размерах для подарков горцам и для содержания лазутчиков, но большею частью только выводилась по книгам в расход на Мустафу или Измаила, а на деле расходовалась совсем на другие предметы. В том крае и в то время, это было совершенно необходимо. Конечно, от начальника зависело, чтобы эта сумма была употреблена с пользою и не попала в его собственный карман. **[187]** Вельяминов был в этом отношении вне всякого подозрения; но, к сожалению, этого нельзя сказать об его окружающих, пользовавшихся его доверием. Надобно признаться, что при выборе этих приближенных он мало

обращал внимания на их нравственную сторону. От того при нем являлись нередко личности довольно темные. Легко может быть, что многие из них были ему навязаны ***ским, который пользовался его ленью и делал много такого, что легло упреком на память Алексея Александровича.

Подчиненные и войска боялись Вельяминова и имели полное доверие к его способностям и опытности. У горцев мирных и немирных имя его было грозно. В аулах о нем пелись песни; он был известен под именем Кызыл-Дженерал (т.-е. рыжий генерал) или Ильменин. Деятель времен Ермолова, он не стеснялся в мерах, которые должен был принимать в некоторых случаях. Деспотические выходки его были часто возмутительны. Однажды, узнав, что конвой от Донского полка, при появлении горцев, бросил проезжающего и ускакал и что, по произведенному дознанию, в этом полку было множество злоупотреблений, он послал туда штаб-офицера и приказал арестовать полкового командира и всех офицеров, а казаков всего полка по именному списку всех высечь ногайками. Донцы конечно подняли большой шум, и Вельяминову был сделан секретный высочайший выговор.

Чтобы кончить речь о Вельяминове, я должен выставить еще одну черту его характера. Он не боялся декабристов, которых много к нему в войска присылали. Он обращался с ними учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами. Многие бывали у него в солдатских шинелях, но в Ставрополе и в деревнях они носили гражданскую или Черкесскую одежду, и никто не находил этого неправильным. Впрочем, надобно сказать, что вообще Кавказские войска имели очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме. Однажды бригадный командир упрекал во фронте капитана князя Вахвахова, что он не в форме и именно в том, что у него шашка без темляка. Вахвахов, Грузин и ротный командир, был в мундире, эполетах и шарфе, но панталоны его были с широким очкуром из красного канауса, и сверх панталон висела разноцветная шелковая кисть. Вахвахов обиделся и отвечал: "Разве я Армяшка, чтобы темляк нацеплять на шашку?" На Кавказе Армяне часто были маркитантами при войсках и в тоже время участвовали в военных действиях. Если за военные отличия такой волонтер был производим в прапорщики милиции, то спешил прицепить серебряный темляк к шашке, без **[188]** которой туземцы никогда не ходят, и это обеспечивало его личность при продаже солдатам водки или чихирю. В вышерассказанном случае интересно то, что бригадный командир, тоже доморощенный, нашел возражение капитана естественным. Впрочем это было в Абхазии, краю диком, даже по сравнению с Ставрополем.

Обращаясь к предстоявшим нам военным действиям, я должен сделать очерк театра войны и нашего в нем положения.

В обширных степях, по низовьям Волги и Дона, издавна жили в полудиком состоянии отдельные группы Славян. Во времена могущества Хазаров, они входили в состав этой разноплеменной державы, а после ее падения удержались между Волгой и Доном и в княжестве Тмутараканском. Во время нашествия Татар (1224 г.) они были известны под именем Бродников и сражались против Русских князей, вместе с Татарами, в несчастной битве при Калке. Воевода их звался Плоскиня; они были, очевидно, Славяне и православные. Татарские опустошения обезлюдили Юг России, и воинственные ватаги Бродников находили там простор и все удобства. Число их увеличивалось новыми выходцами, а по мере упадка могущества Татар, они стали образовать отдельные общины, во всех местах, где ничто не мешало им заниматься единственным промыслом: войной и разбоем. Татары назвали их *казаками*, и это имя сохранилось навсегда. Слово казак очевидно принадлежит Тюркскому языку и имеет близкое отношение к словам Кайсак и Косог. И до сих пор Кавказские племена, а особливо Татарские, называют казаками людей бездомных и ведущих бродячую жизнь. В половине XV-го столетия мы уже видим две группы этих казаков под именем Донских и Запорожских, образовавших военные республики на низовьях Дона и Днепра. В половине XVI века у нас был уже Терский городок на реке Тереке (кажется, против устья Сунжи) с достаточной ратной силой, под управлением воеводы. С соседями Кабардинцами, образовавшими тогда сильную аристократическую республику, мы жили в мире и дружбе. Одна из жен Ивана Грозного была дочь Кабардинского князя. Кабардинцы несколько раз предлагали Русским царям взять их под свою высокую руку; но это не могло иметь серьезного значения и, по всей вероятности, делалось только для того, чтобы выманить подарки. Северо-западная сторона предгория населена была в это время Ногайскою ордою, признававшею власть Крымского хана. В самых горах, по левую сторону Кубани и по восточному берегу Черного моря, жило другое племя, родственное Кабардинцам, но уже давно от них отделившееся. Это племя мы называли Черкесами, а сам себя этот народ **[189]** называл Адехе. Они не были аборигенами и не далее, как с XV века стали постепенно занимать этот край с Северо-запада, оттеснив к Югу прежних жителей Абхазского племени. В начале XVIII столетия, на низовьях Кубани и до Суджукской бухты, поселились казаки, ушедшие с Дона под предводительством Некрасова, во время Булавинского бунта на Дону. Некрасовцы оставались там до 1785 и перешли в Европейскую Турцию за восемь лет до того, как на Кубань переведены были князем Потемкиным другие казаки, образовавшие так названное верное Черноморское войско. Эти остатки славного Запорожского коша заняли край по правому берегу Кубани от моря до устьев Лабы. Край этот они нашли почти безлюдным: Ногайцы разбрелись или переселились в Турцию. Итальянские путешественники, бывшие в этом крае в XVII стол., говорят о Черкесах, как о

народе храбром и хищном; они называют их настоящим именем Адехе. Джиорджио Интериано говорит, что соседи их, Ногайцы, много терпели от их набегов и что один Черкес мог драться с десятью Ногайцами. Не смотря на то, новые пришельцы, Запорожцы, в первое время жили мирно и дружелюбно с своими соседями. С северной стороны они примыкали к землям Донских казаков, но с ними не сближались, называя их Москалями. Скоро и с восточной стороны к ним примкнули другие казаки: Кубанские, образовавшиеся из Донских полков, поселенных там насильственно в конце XVIII ст. и в начале нынешнего. Кубанские казаки заняли обширные степи по правому берегу Кубани от устья Лабы вверх до самых Карачаевских гор и далее на Восток до Терека. По берегу этой реки, от устья Малки до Каспийского моря, жило более древнее казачество. Еще во времена Терского воеводства там стали селиться казаки с Дону и с Волги. Они образовали несколько групп, принявших названия войск Гребенского, Терского, Семейного-Кизлярского, Моздокского и Горского. Из них Гребенское войско было самое древнее и славное своими воинскими подвигами. Есть причины думать, что Гребенцы жили прежде и на правом берегу Терека, в ладу с своими соседями Чеченцами, у которых брали девок в жены и своих отдавали за Чеченцев. Почти все эти казаки были фанатические раскольники, и их население значительно увеличилось вследствие смут на Дону и преследований раскола при Петре Великом и его преемниках. В 20 годах этого столетия все эти войска соединены в одно Линейное Казачье войско, разделенное на полки с названиями, которые носили до того отдельные войска. **[190]**

Так началось занятие Кавказа Русским народом; оно продолжается доселе и еще нескоро кончится.

Интериано, сообщивший очень много верных сведений о Черкесах или Адехе его времени, говорит, что в половине XVII века они были христианами, хотя вообще не оказывали много усердия к вере. Ежегодно к ним ездили из Терского городка попы (которых он называет папири) для совершения крещений и браков и для благословения могил. Во многих местах их земли до сих пор можно видеть хорошо сохранившиеся развалины христианских церквей, Византийского стиля.

Магометанство стало именно в половине XVII века проникать к Кавказским горцам с двух сторон, из Турции и из Персии. Персияне, впрочем, оказались плохими пропагандистами; не смотря на их долгое владение Грузией и Закавказскими провинциями, исламизм Шиитского толка укоренился только в немногих юго-восточных частях Кавказского перешейка: все остальное население приняло Сунитский толк. Из двух частей Кавказа восточная всегда выказывала более ревности к вере; в западной сохранилась смесь легенд и

обрядов языческих, христианских и мусульманских, при общем равнодушии к вере. Крымские ханы, а с ними и султаны Турецкие называли себя повелителями горских народов, но это был почти пустой титул, действительной власти ни те, ни другие не имели.

В конце прошлого столетия Турки заняли несколько пунктов на восточном берегу моря: Анапу, Суджук, Сухум и Поти. Все они были укреплены высокими каменными стенами. Анапа и Сухум служили местопребыванием пашей и имели сильный гарнизон. Внутри края Турки нигде не удержались, хотя тратили много денег и посылали нередко войска для поддержки и возбуждения против нас горцев. Они успели только вооружить их против нас, сами же не извлекли из того никакой выгоды и по Адрианопольскому миру, в 1830 году, уступили России земли Кавказских народов, которыми никогда не владели и которых жители этого и не подозревали, а продолжали свои хищничества и набеги в наши пределы.

Им за это мстили вторжениями в их край и разорением всего, что попадалось нашим отрядам. Такого рода временные действия назывались *репресалиями*, особенно в земле Черноморского войска, которое было подчинено Новороссийскому генерал-губернатору и только впоследствии поступило в ведение Кавказского начальства. В восточной части Кавказа было менее серьезных военных действий, чем в западной. Чечня считалась полупокорною, хотя разбои и хищничества на линии были нередки. Осетины были совершенно **[191]** покорны, и только Лезгинские племена и Дагестан, мало нам известный, были в явно враждебном к нам положении. В начале 20-х годов там возник "тарикат", фанатическое учение в мусульманстве, породившее Кази-муллу, Гамзат-бека и Шамиля и стоившее нам немало крови, впродолжение тридцатилетней борьбы.

Со времени поступления Грузии в подданство России (в 1801), Кавказ получил для нас более важное значение. Первое время войска наши в Грузии должны были бороться с внутренними и внешними врагами. Корпус, занимавший Кавказ и Кавказский край, постепенно усиливали. Особенно важно было для нас единственное сообщение через хребет, шедшее по Тереку, чрез Гут-гору, по Арагве и Куре на Тифлис. Это сообщение названо Военно-Грузинской дорогой. Часть ее, от Моздока до выхода Терека из гор, пролегала по Кабарде, которая только считалась вполне покорною, но в сущности была нам враждебна. Народ Кабардинский, после нескольких возмущений и усмирений, потерял прежнее свое значение. Сильная и гордая аристократия нелегко мирилась с своим унижением и всегда готова была тайно и явно взяться за оружие против нас. Сообщение по Военно-Грузинской дороге производилось под прикрытием сильных отрядов с артиллерией; случаи разбоев и грабежей были очень часты.

Генерал Ермолов построил при выходе Терека из гор крепость, которой дал громкое имя *Владикавказ*. Конечно, Кавказом она владеть не могла, но была первым шагом к упрочению этого пути, рядом постов и укреплений. Образовалась вдоль дороги полоса земли, с которой все бывшие там аулы Кабардинцев перешли далее в предгория. Полоса эта составляла совершенную равнину, орошаемую притоками Терека, почти безлесную, но богатую черноземною почвою. На этой полосе в 1832 году были поселены два Малороссийских казачьих полка и образовали Владикавказский казачий полк, вошедший в состав Кавказского линейного войска. Военно-Грузинская дорога имела большие неудобства; но как это было единственное сообщение с Тифлисом, то правительство употребило много денег и трудов для ее улучшения. Очень хорошее шоссе проложено от ст. Екатериноградской (при впадении Малки в Терек) через Владикавказ. Сообщения сделались частыми и менее опасными от больших шаек; случаи же мелких разбоев, грабежей и убийств в это время (в 1837 г.) были часты. Но главная польза от этой занятой Русскими и обеспеченной укреплениями и станицами полосы оказалась в том, чего, кажется, не ожидали: эта полоса разъединила северную сторону Кавказа на два отдельных театра войны, имеющие разные народности, ничем **[192]** между собою не связанные и представляющие совершенно разнородные данные в смысле военно-топографическом и политическом. Впоследствии времени, это разделение было для нас чрезвычайно полезно.

В 1830 году, по окончании войны с Турциею, большой отряд, под личным начальством графа Паскевича, перешел Кубань и сделал несколько движений в земле Шапсухов, при чем были стычки с горцами и уничтожено много аулов. Серьезной цели этого движения не было; прямым последствием его была постройка укреплений Мостового-Алексеевского на Кубани, Афитского и Ивано-Пшебского. Первое из них, как мостовое, могло быть полезно для последующих движений в землю Шапсугов, но этих движений не было. Ивано-Пшебское скоро было упразднено по бесполезности и вредному климату. Афитское укрепление, вполне бесполезное, долгое время занималось одним батальоном Черноморских казаков, которые, без сообщения с Черноморией, посреди скуки и тревог от окружающих их горцев, при весьма скудном продовольствии, болели цынгою и умирали во множестве. Место это было ссылочным, и отправление без очереди на службу в Афитское укрепление постановлялось в приговорах военного суда. Но еще больший вред экспедиция графа Паскевича сделала тем, что показала наши завоевательные замыслы и общей опасностью сблизила разные племена Адехе, до того времени не имевшие общего интереса и нередко между собою враждовавшие. С другой стороны, эта экспедиция дала графу Паскевичу право на авторитет для направления последующих действий, чем он долгое время пользовался, с

уверенностью в своей непогрешимости, как это и всегда бывает, когда обстоятельства и прихоть самодержца из обыкновенного человека сделают героя и гениального полководца. В этом звании Паскевич состоял во все царствование императора Николая. Все предположения местных начальников посылались на его заключение, и он, из Варшавы, давал решительный ответ, вдохновляемый своим гением и Новицким, который состоял при нем. Это был уже довольно ограниченный человек, но усердный и безгранично преданный. Вдохновения свои он получал от записки, представленной им после поездки через Черкесский край, под видом глухонемого нукера, записки, которой действительные авторы были Тауш и Люлье.

В 1832 г. Паскевич составил в Варшаве целый план покорения горцев в западной части Кавказа. Он предполагал проложить путь с Кубани прямо на Геленджик, построить на этой дороге несколько укреплений и сделать их основаниями для действий отдельных отрядов; когда все это будет готово, то направить **[193]** около десяти малых отрядов из разных пунктов этой линии, названной Геленджикскою кордонною, одновременно на Запад с тем, чтобы гнать перед собою горцев к Анапе и морю, и там им угрожать истреблением, если не покорятся. После этого прорезать Кавказ другою линиею, параллельной первой, но более к Востоку, и так далее до верхней Кубани, очищая или покоряя пространство между линиями. Едва ли можно выдумать что-нибудь боле нелепого и показывающего совершенное незнание края и неприятеля, не говоря уже о том, что едва ли кто в наше время отважится, вообще, предлагать кордонную систему войны в таком педантическом, безусловном виде. Однако же, проект Паскевича был принят за чистое золото в Петербурге, где незнание Кавказа доходило до смешного. Вельяминов своеручно исписывал десятки листов против этих предположений, принятых в Тифлисе безусловно, из угодничества к Паскевичу, а отчасти и в досаду Вельяминову. Все усилия последнего, до самой его смерти, избавили его только от облавы горцев; но он вынужден был строить Геленджикскую кордонную линию и занимать по восточному берегу Черного моря разные пункты, посредством которых Паскевич предполагал пресечь горцам сообщение с Турцией, откуда направились к нам контрабандные суда, доставлялось оружие и могла быть занесена чума. Черновые бумаги, собственноручно писанные Вельяминовым, поучительны и показывают его честное отношение к делу. Видно, что он без особенной ловкости лавировал, чтобы выставить неярко нелепости проекта, иногда пускался даже на неловкие любезности "вождю, со славою окончившему три войны", но от облавы решительно отказался. Выставив невозможность найти десять отрядных начальников, которые бы с одинаковой математической точностью могли выполнить этот план, Вельяминов просил назначить для

общего распоряжения другого, более его способного, начальника, а себя предлагал в начальники одного из десяти малых отрядов.

В 1833 г. было построено на Кубани мостовое Ольгинское укрепление, которое должно быть началом, а Геленджик другою оконечностью Геленджикской кордонной линии. В 1834 г. Вельяминов двинулся с большим отрядом из Ольгинского укрепления, прошел болотистую полосу и стал лагерем на границе земель Шапсугов и Натухайцев, на р. Абине, где и построил укрепление на один батальон. В Сентябре месяце, по вооружении и снабжении нового укрепления, Вельяминов предпринимал движения во все стороны, разоряя аулы. Такой порядок был и в три следующие года. Эти периоды экспедиции солдаты называли: первый перевод людей и **[194]** второй перевод. Действительно, трудов было много, и войска более изнурялись работами, чем военными действиями. Неприятель в этот год мало собирался и ничего серьёзного не предпринимал. В 1835 г. было докончено Абинское и выстроено Николаевское укрепление, при впадении р. Атакуаф в Абин. Во втором периоде сделана рекогносцировка к Геленджику по Шедогобскому ущелью, оказавшемуся для перехода через хребет совершенно неудобным; поэтому решено было вести дорогу и линию по Атакуафу через перевал Нако и спуститься к морю у ю. в. края Суджукской бухты; оттуда до Геленджика 16 верст очень удобной дороги. Во втором периоде экспедиции движение отряда было значительнее, и неприятель в больших силах дрался смело, видимо приобретая опытность в деле и сметливость, свойственную всем горцам. Потеря наша в военных действиях была более значительна, но все-таки едва ли превышала 250 или 300 человек во все время. Тогда еще потери наши не считались тысячами. В этой экспедиции участвовал и был тяжело ранен корнет князь Барятинский, которому судьба назначила быть в последствии главным виновником покорения Кавказа.

В 1836 г. Вельяминов прошел с отрядом через Нако к Суджукской бухте и построил там, при устье р. Доб, укрепление названное Кабардинским. Движения для разорения аулов и для изучения края производились между новой линией, Анапой и Кубанью, но продолжались менее обыкновенного, потому что пронесся слух о появлении в горах чумы, занесенной из Турции. Поэтому, в конце Сентября, отряд выдерживал 14-дневной карантин на бивуаке, при Ольгинском укреплении. В войсках тогда говорили, что чума выдумана была переводчиками Таушем и Люлье, которые между горцами имели много друзей. Подкупить их горцы не могли потому что нечем, но они могли сами быть обманутыми. Впоследствии оказалось, что где-то между горцами была какая-то заразительная болезнь; но нет причины думать, чтобы это именно была чума, тем более, что болезнь ограничилась небольшим пространством.

Вот я опять пришел к началу экспедиции 1837 г. Предположения на этот год были обширнее предыдущих, и отряд должен был действовать преимущественно на южной стороне хребта к Юго-востоку от Геленджика, в крае, куда еще не проникали Русские войска. Цель этих действий - занятие устьев двух рек: Пшады и Вулана (Чюэпсин) и постройки там укрепления. Здесь я должен прежде сказать несколько слов о театре военных действий и о неприятеле, с которым мы должны были иметь дело. **[195]**

Река Кубань, вытекая из под вечных снегов Эльбруса, направляется между черными горами на Север. До Каменного Моста или до впадения в нее реки Теберды, она течет в глубоком, покрытом лесом ущелье, через которое есть небольшое число переходов. От Теберды, в направлении северном, долина Кубани расширяется и постепенно теряет характер горной реки; близ станицы темишбекской она поворачивает круто на Запад и в этом направлении протекает между отлогими, безлесными берегами, а от устья Лабы до самого впадения ближайшая к Кубани полоса земли поросла камышом и при всяком разливе, в конце Июня, заливается водою. Верстах в 25 за Екатеринодаром эта поросшая камышем полоса простирается в ширину верст на 120 и составляет восточный берег Азовского моря, в которое Кубань вливается одним рукавом (Протока), главное же русло реки идет в западном направлении и впадает в Черное море несколькими рукавами.

Кубань долго составляла границу между нами и горцами. Летом она представляла довольно серьёзное препятствие для перехода больших отрядов и партий; но малые хищнические партии легко через нее прокрадывались в наши пределы. Для ближайшего наблюдения и для обороны границы по Кубани устроены были казачьи станицы, укрепления и посты. По верхней Кубани до устья Лабы Кубанская кордонная линия была под начальством барона Засса; а оттуда до Черного моря простиралась Черноморская кордонная линия, которой начальник жил в Екатеринодаре. В 1828 г. отряд князя Меньшикова взял Анапу при содействии Черноморского флота. Эта обширная крепость, построенная в восьмидесятых годах прошлого столетия французскими инженерами, не делала особенной чести их искусству и знанию. Открытая с моря, она была окружена высокою, каменною стеною со многими бастионами, которых фланги били друг в друга. Турецкий гарнизон имел до 15 т. и до 120 орудий. Там поместили два батальона линейных, только что для этого сформированных, и сверх того, в крепости водворили одну из станиц гражданского поселения, которое, кажется, по проекту Новороссийского генерал-губернатора, предположено устроить на богатых и открытых окрестностях Анапы.

При таком положении нашей границы тревоги были часты. Казаки, особенно линейные, соревновали с горцами в удальстве, неутомимости и быстрых

движениях, но нередко не имели успеха. В таком случае местная тактика требовала угадания обратного перехода вторгнувшейся партии через Кубань. Это большею частью удавалось. Я рассказал выше удачное дело г. Засса против **[196]** Абадзехов, прорвавшихся до Кисловодска; еще гораздо ранее (кажется, около 1824 г.) генерал Власов разбил сильную партию горцев под Калаусом при возвращения после нападения на ст. Полтавскую. Говорят, что горцы потеряли тут до 2500, большею частью утонувших в болотах, в которых и до сих пор находят горское оружие и панцыри. Очень немногим из этой партии удалось спастись. Во всех Закубанских аулах пели песни об этом бедственном походе.

Набеги генерала Засса удалили немирных горцев верст на сто от верхней Кубани, так что до самой Лабы были только в небольшом числе аулы так называемых мирных. Но против Черноморской кордонной линии Закубанская сторона вполне принадлежала горцам, которых аулы начинались верстах в десяти по лесам, пересекаемым болотистыми притоками Кубани. Тревоги на линии были особенно часты зимою, когда река замерзала. Большую часть ночей казаки и регулярные войска проводили под ружьем.

Такое положение дел показывало до очевидности, что нужны были совсем другие меры для прочного обеспечения края, а никак не устройство линий, пересекающих Кавказский хребет и приморской линий укреплений, отрезывающей горцев от Черного моря. Если бы исполнение этого проекта и было возможно, то во всяком случае оно должно потребовать огромных жертв людьми, деньгами и временем. После оказалось, что эти жертвы были принесены без всякой пользы.

В 1837 г. в Черномории квартировали три полка 19 пех. дивизии, с своею артиллериею и 2 саперные роты. Полки были четырехбатальонные. Дивизией временно командовал генерал-майор Линген, человек очень добрый, совершенно безответный. Но это была война не генеральская. Самую важную роль играли полковые, батальонные и ротные командиры. Первые были из старых Кавказских служак. Тенгинским полком командовал полковник В. А. Кашутин, Кабардинским генерал-майор Пирятинский, оба люди боевые, опытные. Кашутина все любили за доброту, беззаветную храбрость и радушное гостеприимство, выражавшееся часто большим количеством бутылок портеру. Навагинским полком командовал полк. Полтинин, человек не без военных заслуг, но довольно сумасбродный и кутила. Он говорил о себе: Полтинин пять раз ранен, три раза контужен и ни разу не сконфужен. Четвертый полк 19 дивизии, Куринский, был расположен на левом фланге, и командир его полк. Пулло, Русский Грек, жил в кр. Грозной и был начальником Сунженской кордонной линии. Офицера, **[197]** приехавшего из Русских войск, поражали

самостоятельность и самоуважение ротных и батальонных командиров, разумная сметливость и незадерганность солдат в Кавказских войсках. Дисциплина была строга и конечно отзывалась общею дикостью того времени. Кабардинский полк справедливо считался лучшим в дивизии; после него добрую славу имел Тенгинский; какая-то старая закваска держалась в этих полках, не смотря на довольно быстрые перемены и общества офицеров и нижних чинов. Унтер-офицеры были вообще очень хороши и люди заслуженные. В это звание производили не за наружность и ловкость во фронте. Вообще в войсках видны были остатки преданий Суворовского времени, еще несглаженные тонкостями фронтовой службы. Между офицерами было немало кутил, но старшие берегли молодежь и честь полка. Мне не трудно было бы назвать несколько штаб-офицеров и ротных командиров, которые пользовались заслуженною славою боевых офицеров и отличных начальников.

В состав действующего отряда в 1837 г. назначены были Тенгинский и Навагинский полки в полном составе и два батальона Кабардинского, две роты сапер, четыре пеших полка Черноморского казачьего, несколько конных сотен линейного войска и три батареи, 19-й артил. бригады. О Кавказской артиллерии можно сказать, что она была в общем уважении и всегда держалась вполне своеобразно и с большим достоинством. Впрочем, это же самое относится и вообще к Русской артиллерии. Батареи были осми-орудийного состава, и в каждую придано, сверх того, по два горных единорога и по две Кегорновы мортирки. Командир 19-й бригады, полковник Бриммер, квартировал в Ставрополе. Вельяминов был о нем хорошего мнения; последствия показали, что он не ошибся.

Пехота вооружена была старыми, кремневыми ружьями, до того плохими, что нельзя было с уверенностью попасть на сто шагов. Линейные казаки имели винтовки Черкесского образца, а Черноморские казаки - разнообразные, очень плохие ружья. Пехота стреляла довольно плохо, артиллерия действовала хорошо, но в теоретической части своего дела Кавказские артиллеристы были недалеки.

Черноморские казаки были у всех начальников в загоне и держались в черном теле. Это ошибочное мнение разделял и Вельяминов. Четыре пеших полка этого войска взяты были в состав отряда, преимущественно, как рабочая сила при постройке укреплений. На них лежала вся черная работа при движениях и расположении отряда. Надобно правду сказать, начальство Черноморских казаков не только не протестовало против такой несправедливости, **[198]** но находило в том свою выгоду. Я тогда почти не знал Малороссийского элемента и потому гораздо позже оценил Черноморцев по их достоинству.

Линейные казаки пользовались вполне заслуженною славою удальства и храбрости. На конях горских пород, в красивом горском костюме, линейные казаки многое заняли от горцев: джигитовку, удальство и блестящую храбрость с театральным оттенком. Даже в манерах и в домашней жизни они многое переняли от своих исконных врагов. Нужно признаться, что народная нравственность была у них очень нестрога; но вообще, как их хорошие, так и дурные качества, приводили в восторг офицеров, приезжавших на Кавказ из всех войск для участвования в военных действиях. Для них линейные казаки были постоянно окружены каким-то военно-поэтическим ореолом, и свои восторги они через год развозили по всей России вместе с Черкесским костюмом и оружием.

7 Мая прибыл генерал Вельяминов, а 9-го отряд выступил по хорошо знакомой дороге на укрепление Абинское. Пройдя Аушецкие и тляхофиджские болота, отряд двигался по открытой равнине, оставя вправо глубокие колеи, сделанные обозами в предшествующие года. Вельяминов ехал на своей "баче", Имеретинской лошадке с отрезанной гривою, и окруженный довольно многочисленным штабом. К нему подскакал полковник Бриммер. "Ваше превосходительство, отряд давно своротил с Абинской дороги. Куда же мы так придем?"—"Не знаю, дражайший, горнист трубил на лево. Спроси его". Бриммер понял свою неловкость, извинился и поспешил к своему месту. Действительно, это был сюрприз. Отряд вошел в местность пересеченную перелесками и тонкими ручьями в неглубоких долинах. Вдали видно было несколько аулов. Началась перестрелка. Горцы знали о нашем движении и были в большом сборе. В одном месте перестрелка очень усилилась и продолжалась несколько минут, перемежаясь диким, визгливым криком горцев и громким ура! Вельяминов, ехавший очень равнодушно, подозвал меня и сказал: "поезжай, дражайший, скажи этим болванам, чтобы долго не забавлялись перестрелкой, а если неприятель упорно держится, то прогнать его штыками". Не успел я показаться с этим приказанием, как Тенгинцы дружно крикнули: ура! Горцы только успели выхватить шашки, как были опрокинуты и исчезли в кустах. К вечеру перестрелка начала умолкать, аулы горели, и отряд расположился на позиции вокруг большого кургана Ошхатах, давшего имя всей этой местности. Трофеями этого дня **[199]** были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлял в Академию Наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка, которая иногда многим стоила жизни, с той и с другой стороны. Для горцев была другая причина упорства. Отправляясь на какое-нибудь военное предприятие, горцы заключали с своими ближними друзьями военные союзы, причем давали присягу не выдавать своего товарища живого или мертвого; если нельзя унести из сражения тела, его товарищ

должен, по крайней мере, отрубить ему голову и принести ее семейству убитого; в противном случае он обязан во всю жизнь на свой счет содержать вдову и детей своего убитого товарища. Сверх того, такое действие считалось позорным. Драка за трупы и отрезание голов вошли в нравы и обычаи Кавказских войск. На первый раз, не смотря на воодушевление новизною картин и впечатлений, вид завернутых в холст голов, привязанных к концу казачьих пик, вызвал у меня чувство гадливости и омерзения.

Я исправлял должность обер-квартирмейстера отряда. Полковник Ольшевский был начальником штаба, не нося только этого титула.

Вечером я должен был поставить и осмотреть всю цепь аванпостов и их резервов. После этого резервы зажигали перед собой большие костры, которых линия показывала места их расположения. Вельяминов не уходил в свою палатку прежде, чем я доложу ему о постановлении аванпостов и о том, как они заняты. Если где потухал костер или не был разложен, Вельяминов сердился и посылал начальнику резерва замечание в выражениях, которых резкость никого не удивляла.

Лагерь становился обыкновенно длинным четырехугольником, которого фасы составляли авангард, арриергард и два боковых прикрытия. Такою же живою крепостью отряд и двигался: авангард и арриергард по ущелью или долине, а боковые прикрытия по горам, в таком расстоянии, чтобы пули горцев не могли бить в колонне, где были остальные войска и обоз. Дороги были вообще более или менее дурны, местность в горах покрыта лесом. Чтобы держать боковые прикрытия на своих местах и чтобы цепи стрелков не разрывались в закрытой и пересеченной местности, их часто окликали сигнальными рожками. Этим способом и при условленных заранее сигналах, передавались все приказания при движениях. **[200]**

При таком порядке, движение отряда никогда не могло быть быстро, и неприятель имел полную возможность сосредоточивать свои силы на местах наиболее удобных для обороны. Зная цель наших движений, горцы могли собираться против нас в значительных силах и, при совершенном знании местности, имели полную возможность располагать своими действиями, так что без всякой ошибки можно сказать, что везде, где завязывалась упорная драка, мы были нумерически слабее неприятеля и находились в неблагоприятных обстоятельствах. Все это с избытком вознаграждалось дисциплиной, боевой опытностью и невероятной выносливостью почтенных Кавказских войск. Я уже сказал, что пехота наша была очень дурно вооружена и стреляла плохо; в этом отношении неприятель над нами имел большое превосходство. Нельзя сказать, чтобы горцы были отличные стрелки; но их длинные винтовки, заряженные

пулями с сальною тряпкой, били гораздо вернее наших ружей и, при оборонительных действиях, они могли укрываться и выжидать приближения наших. Пользовались они местностью очень хорошо, и с инстинктом горца соединяли замечательную храбрость и легкость в ходьбе по горам.

Самая трудная роль доставалась обыкновенно арриергарду, а самая легкая авангарду, где редко бывала серьезная перестрелка. В боковых прикрытиях все зависело от свойств местности, но как редко можно было идти по гребню, образующему водораздел, то войска боковых прикрытий сильно утомлялись беспрестанными спусками и подъемами, причем нередко нужно было выбивать неприятеля из засад, который он делал, зная наперед, что прикрытия не минуют этого места. Случалось, что отряд растягивался верст на пять, и тогда конечно боковые прикрытия усиливались войсками из колонны. Вельяминов зорко смотрел за всем и ничего не оставлял без внимания. Каждый солдат и частью начальник был уверен, что старый Вельяминов его видит. Войска вообще имели большое доверие к своему начальнику. Для меня служба при нем была лучшею военною школою.

Я несколько распространился в описании этого дня, потому что таков был всегдашний порядок движения отряда. Можно упрекнуть Вельяминова только разве в несколько излишней методичности. Вообще горцы сравнивали наши экспедиции с грозовою тучею, которая пройдет полосой, наделает шуму и разорений и умчится, не оставив прочных следов. Кажется, они правы.

(Продолжение впредь).

Текст воспроизведен по изданию: Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, Вып. 5. 1883

© текст - Бартенев П. И. 1883
© сетевая версия - Thietmar. 2010
© OCR - Анцокъо. 2010
© дизайн - Войтехович А. 2001
© Русский архив. 1883